

в тексте, но на его основе не строится аргументация). Деятельность Севира Антиохийского видится автору в тесной связи с иудеями Александрии: это постоянно подчеркивается (такая тенденция, по мнению Анастасия, началась при Нестории).

В трактате совершенно не раскрыта богословская деятельность Юстиниана, имевшая, как мы видели, ключевое значение в монофиситской полемике. Даже V Вселенский собор оценивается как имевший направленность против Оригена, а не как часть богословской работы, обращенной к антихалкидонитам. В связи с этим перед нами предстает картина борьбы Севира (самый часто упоминаемый герой трактата) с православной партией, не имеющей своего реального лидера, но обобщенной в образах Вселенского собора, Церкви, «хора святых отцов» древности и т. д. Нет никаких упоминаний и о попытках поиска компромисса с монофиситской партией во время правления Юстиниана. Напротив, трактат имеет очень агрессивный настрой. Все это дает нам картину исторической памяти ключевых событий монофиситской полемики, какими они виделись последовательным дифиситам в конце VII в.

И. С. Охлупина

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**Демонические черты образов иконоборцев в житиях
византийских святых IX в.**

Демонические атаки на святых и экзорцизм были излюбленным сюжетом византийской агиографии. Святые в житиях нередко вступали в контакт с различными проявлениями потусторонней реальности, подвергались физическому воздействию демонов и активно боролись с самыми различными проявлениями демонической активности. Борьба святого с дьяволом воспринималась как проявление извечного космического противостояния, конец которому положит явление Иисуса.

Однако взаимодействие с миром «нечистой силы» в житиях не исчерпывалось традиционными топосами борения святого с бесами и случаями исцеления одержимых. Поскольку еще в эпоху раннего христианства существовало представление о Сатане как о вдохновителе всех дурных поступков и помыслов людей, появилась идея о том, что дьявол может наполнить своей злобой смертного человека и привести его к власти. В этой связи традиционная борьба святого с силами зла, демонами и бесами, могла обрести новые смыслы в житиях при описании противостояния святого поборника икон императору-иконоборцу.

В нашем докладе, опираясь на тексты византийских святых IX в. Никиты Мидкийского¹ и преподобного Иоанникия Великого (житие Саввы монаха)², мы анализируем демонические черты образов императоров-иконоборцев и их сподвижников. Описания «проявлений демонического» в действиях иконоборцев могли отражать представления византийской интеллектуальной элиты о свойствах «злых духов» и природе их действий. С другой стороны, все дьявольское, демоническое было одной из универсальных для христианской ойкумены категорий «Другого». Поэтому описания политических противников в подобном ключе отражали не исторические реалии, а скорее страхи и предубеждения авторов житий, связанные в том числе и с особенностями их самоидентификации.

Поскольку авторы житий святых в духе иконопочитательской традиции пытались переложить всю вину за ересь на императоров-иконоборцев, описание «дурной природы» императоров и их советников было одним из приемов для характеристики и объяснения их «богопротивной» религиозной политики.

Для характеристики императоров-иконоборцев и их сподвижников агиографы использовали цитаты из Священного писания, поскольку средневековая традиция требовала ссылаться на авторитеты. К тому же авторы приписывали своим оппонентам определенный набор качеств, связанный в обыденном сознании с проявлениями демонического. Это было связано с особенностями средневекового мировосприятия, в котором окружающий мир был заражен злом и являлся ареной действия сверхъестественных существ. Примечательно, что византийские авторы, независимо от их взглядов, как иконоборцы, так и иконопочитатели, обвиняли своих противников в сотрудничестве с силами зла. Иконоборцы обвиняли иконопочитателей в поклонении демонам, усматривая сходство между культом Богоматери и поклонением Артемиде – матери демонов. Обвинения в сотрудничестве с дьяволом в отношении иконоборцев прозвучали в актах церковного собора 787 г.

Для характеристики демонических черт своих противников авторы широко использовали эпитеты с пейоративным оттенком, образованные методом инверсии христианских ценностей: «злой», «приверженец зловерия», «христородец», «негоднейший», «некроткий зверь», «злочестие», «немиловостивый», а также приписывали традиционные качества «злых духов», такие как коварство, злобность, зловоние, стремление ко всяческому злу. При описании деятельности императора Константина V Копронима, кроме цитирования излюбленного противниками императора сюжета о «конфузе» импера-

¹ Vita S. Nicetae confessoris // Acta Sanctorum. Aprilis. T. 1 [Appendix]. P. XVIII–XXVII.

² Saba monacho Vita Ioannicii / Ed. Van den Gheyn // Acta Sanctorum. Novembris. 1894. T. II.1. P. 332–383.

тора во младенческом возрасте, автор жития называет его «зловоннейшим», утверждая, что он «радовался зловонию нечистоты, что мазался испражнениями животных и велел делать то же своим приближенным»¹. Такое описание императора не только сближает его со злыми духами, которые традиционно в византийской агиографии характеризовались через зловоние, в противоположность «аромату святости», исходившему от святых подвижников. Поведение императора могло трактоваться византийскими читателями и как проявление «помрачения рассудка», связанного с «одержимостью бесами».

Иконоборчество представляется авторами как опасная доктрина, ересь, изобретенная «врагом мира», дьяволом на погибель человечества. Иконоборцам приписываются такие качества, как склонность к прелюбодеянию и прочим предосудительным с христианской точки зрения поступкам.

Потрясения эпохи иконоборчества, связанные с расколом византийской церкви и гонениями эпохи иконоборчества, вероятно, обострили эсхатологические ожидания византийского общества. Образ посланца Сатаны, Антихриста в эпоху иконоборчества стал излюбленным средством внутрицерковной борьбы. В житии святого Иоанникия император Лев V (813–820), описывается как «антихрист», «предшественник и предтеча грядущего Антихриста»².

Сфера действия дьявольских сил в представлениях византийских авторов устойчиво соединялась с мотивами мрака, тьмы и нечистоты. Обращение к дихотомии света и тьмы при характеристике иконопочитателей и их противников, позволяло агиографам дискредитировать образы иконоборцев, с одной стороны, и идеализировать образы иконопочитателей – с другой. Критикуя деятельность иконоборцев, авторы житий используют метафоры, которые переключаются с образами зооморфных демонов и демонических существ, традиционных для византийской агиографии.

Собирательный образ иконоборца в житиях выступает как персонификация зла и демонических сил и представлен набором инвертированных нормативов и табу, характерных для христианского самосознания. Демонизация противников иконоборчества позволяла авторам житий исключить саму возможность обвинений их самих в идолопоклонстве и служении демонам.

¹ Vita S. Nicetae. P. XXIV.

² Vita Ioannicii. P. 348B.